

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

СЮЛЛИ-ПРЮДОМЪ

**ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ
ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ**

С. А. Андреевскаго, И. Анненскаго, А. Н. Апухтина,
К. Д. Бальмонта, М. Давидовой, В. Н. Ладыженскаго,
А. М., Д. Михаловскаго, П. Н. Петровскаго,
А. Н. Плещеева, К. Р., И. И. Тхоржевскаго,
Н. Хвостова, О. Н. Чюминой (Михайловой), Эллисъ,
Н. Энгельгардта и П. Я. (Якубовича)

Съ критико-біографическимъ очеркомъ

СБОРНИКЪ составилъ П. Н. ПЕТРОВСКІЙ



IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003



Текст печатается по изданию:

Сюлли-Прюдомъ. Избранныя стихотворенія. М.
Книгоиздательство «ПОЛЬЗА». В. Антикъ и К^о. Москва 1913

© «Im Werden Verlag». OCR и оформление. 2003

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

СОДЕРЖАНИЕ

Сюлли-Прюдомъ. Критико-біографическій очеркъ П. Н. Петровскаго	6
---	---

СТАНСЫ И ПОЭМЫ

I. Читателю	П. Н. Петровскій	9
-------------------	------------------------	---

СТАНСЫ

Жизнь души

II. Цѣпи	П. Н. Петровскій	10
III. Разбитая ваза	П. Я.	10
IV. Разбитая ваза	С. А. Андреевскій	11
V. Разбитая ваза	А. Н. Апухтинъ	12
VI. Роса	К. Д. Бальмонтъ	12
VII. Къ ласточкѣ	О. Н. Чюмина	13
VIII. Здѣсь на землѣ	К. Д. Бальмонтъ	14
IX. Два голоса	Н. Энгельгардтъ	14
X. Очи	А. Н. Плещеевъ	15
XI. Какъ много карихъ... ..	К. Р.	15
XII. Идеаль	И. Анненскій	16
XIII. Идеаль	О. Н. Чюмина	16
XIV. Больная	Н. Энгельгардтъ	17

Дѣвушки

I. Гаремъ	П. Н. Петровскій	18
II. Ужь съ нею не увижусь	К. Д. Бальмонтъ	19
III. Сходство	К. Д. Бальмонтъ	19
IV. Сходство	П. Н. Петровскій	20
V. Это было давно	К. Д. Бальмонтъ	21
VI. Съ подругой блѣдною	И. Анненскій	21
VII. Кто скажетъ	О. Н. Чюмина	22

Женщины

I. Когда-бъ я богомъ былъ	И. Анненскій	22
II. Вотъ они	О. Н. Чюмина	23
III. Одинокій	О. Н. Чюмина	23
IV. Венеры	В. Н. Ладыженскій	24

Разныя стихотворенія

I. Силенъ	О. Н. Чюмина	25
II. Утесъ	В. Я. Ладыженскій	26
III. Скалы	О. Н. Чюмина	26
IV. Вскачь	О. Н. Чюмина	27
V. Былое	О. Н. Чюмина	28
VI. Тѣни	И. Анненскій	28

ПОЭМЫ

I. Борьба	О. Н. Чюмина	29
II. Себя считаю я поэтомъ	О. Н. Чюмина	30

ИСПЫТАНІЯ

I. Къ читателю	М. Давыдова	31
----------------------	-------------------	----

Любовь

II. Данаиды	П. Я.	31
III. Раны	П. Я.	32
IV. Спасеніе въ искусствѣ	Элисъ	32

Сомнѣніе

I. Молитва	М. Давыдова	33
II. Затерявшійся крикъ	П. Я.	33
III. Борьба	Н. Энгельгардтъ	34
IV. Сомнѣніе	И. Анненскій	34

Греза

I. Нога prima	Д. Михаловскій	35
II. Крылья	С. А. Андреевскій	35

Дѣйствіе

I. Свиданіе	П. Я.	36
-------------------	------------	----

УЕДИНЕНІЯ

I. Сталактиты	И. И. Тхоржевскій	36
II. Радости безъ причины	С. А. Андреевскій	37
III. Вальсъ	С. А. Андреевскій	38
IV. Робость	С. А. Андреевскій	38
V. Море	С. А. Андреевскій	39
VI. Впечатлѣніе ночи	Элисъ	40
VII. Последнее прости	Элисъ	41
VIII. Агонія	И. Анненскій	41
IX. Издалека	Элисъ	43
X. Бѣдныя души	И. И. Тхоржевскій	43
XI. Последнее одиночество ...	А. М.	44

ТЩЕТНАЯ НѢЖНОСТЬ

I. Мольба	О. Н. Чюмина	45
II. Ребѣчество	Н. Хвостовъ	46
III. Чаша	О. Н. Чюмина	47
IV. Искусство и любовь	О. Н. Чюмина	48
V. Будущимъ поэтамъ	В. Н. Ладыженскій	49

ПРИЗМА

I. Какъ солнца лучъ	И. И. Тхоржевскій	49
---------------------------	-------------------------	----

СЮЛИ-ПРЮДОМЪ

Критико-біографическій очеркъ



Французскій поэтъ-философъ Сюлли-Прюдомъ, Рене Франсуа Арманъ, родился въ 1839 г., въ Парижѣ, до третьяго класса лицея Бонапарта проходилъ классическія науки, послѣ чего поступилъ въ политехническую школу и прошелъ часть спеціально-математическаго курса. Нѣкоторое время онъ занимался естественными науками и правомъ, а затѣмъ, по полученіи диплома бакалавра литературы, увлекся философіей и, наконецъ, окончательно посвятилъ себя литературѣ, выдвинувшись въ 1865 г. сборникомъ стихотвореній, отмѣченныхъ Сентъ-Бевомъ; изъ стиховъ этого сборника «Stances et Poèmes» особенно популярно стихотвореніе «Le vase brisé» (Разбитая ваза),

удостоенное Нобелевской преміи. Въ 1881 году Сюлли-Прюдомъ, въ качествѣ поэта, былъ избранъ въ члены французской академіи. За первымъ сборникомъ «Stances et Poèmes» съ 1865 г. по 1888 г. слѣдовали сборники: «Les épreuves», «Les solitudes», «Les écuries d'Augias», «Croquis italiens», «Impressions de la guerre», «Les vaines tendresses», «Les destins», «La France», «La révolte des fleurs», «Le Zénith», «Lucrèce», «La justice», «Le prisme» и «Le bonheur». Кромѣ того, Сюлли-Прюдомомъ написаны двѣ цѣнныя работы по теоріи поэзіи: «De l'expression dans les beaux-arts» (1884) и «Réflexions sur l'art des vers» (1892), а въ 1901 г., за шесть лѣтъ до смерти, имъ издано «Testament poétique» (Завѣщаніе поэтамъ), прекрасно характеризующее его самого, какъ поэта.

Стремясь къ совершенству Парнасцевъ въ формѣ, Сюлли-Прюдомъ, по его собственному признанію, не пытался сравняться съ ними въ мастерствѣ живописи, въ описаніяхъ внешнихъ явленій въ природѣ, и человѣкѣ, но выражалъ свои душевныя чувства, свои мысли и даже отвлеченныя идеи. Вдумчивый психологъ и гуманистъ — онъ въ своей философской лирикѣ образно затрагиваетъ важнѣйшіе вопросы метафизики и этики и находитъ примиреніе разума и сердца въ побѣдѣ послѣдняго; скептицизмъ поэта, благодаря глубинѣ его мысли и силѣ чувства, никогда не переходитъ въ отчаяніе; наоборотъ, его поэзія, открывая въ душѣ человѣка сокровища, которыхъ нѣтъ во внѣшнемъ мірѣ, призываетъ людей къ дѣятельной и самоотверженной любви.

Весьма интересно въ психологическомъ отношеніи письмо Сюлли-Прюдома къ Рибо, знакомящее насъ до некоторой степени съ процессомъ его поэтическаго творчества; въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ пишетъ: «я имѣю привычку оставлять только что написанные стихи, прежде чѣмъ закончу ихъ, и нѣкоторое время не вынимаю ихъ изъ ящика. Иногда, когда произведеніе кажется мнѣ

неудачнымъ, я забываю его тамъ; когда же мнѣ случается вновь находить ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ, я принимаюсь за нихъ снова и могу съ величайшей отчетливостью вызвать въ себѣ то чувство, которое ихъ продиктовало. Это чувство является въ глубинѣ моего существа какъ бы моделью, съ которой я срисовываю при помощи палитры и кисти языка. Это — нѣчто діаметрально противоположное импровизаціи. Мнѣ кажется, что я работаю тогда по воспоминанію объ аффективномъ состояніи. Когда я вспоминаю эмоцію, вызванную во мнѣ вступленіемъ нѣмцевъ въ Парижъ, послѣ нашихъ послѣднихъ поражений, я неизбежно и нераздельно испытываю снова ту же самую эмоцію, между тѣмъ какъ существующій въ моемъ воспоминаніи образъ Парижа того времени остается рѣзко отличнымъ отъ всякаго настоящаго воспріятія. При воспоминаніи о той любви, которая ощущалась мною въ дѣтствѣ къ матери, я неизбежно въ ту самую минуту, когда предо мною встаетъ это воспоминание, самъ какъ бы превращаюсь въ ребенка, и мое теперешнее сердце непременно участвуетъ въ нѣжности, появившейся, благодаря воспоминанію. Я даже готовъ подумать, что всякое воспоминаніе о чувствѣ имѣетъ характеръ галлюцинаціи. Будучи студентомъ, я имѣлъ связь съ женщиной и былъ обманутъ — случай настолько банальный, что каждый можетъ провѣрить мои наблюденія на себѣ самомъ. Въ моей любви не было ничего глубокаго, воображеніе играло въ ней почти исключительную роль, и я легко простилъ оскорбленіе, отъ котораго страдало только одно мое тщеславіе. Какъ чувство обиды, такъ и любовь уже давно исчезли. И вотъ, когда я вызываю въ себѣ эти воспоминанія, я прежде всего констатирую, что тѣ чувства, о которыхъ я вспоминаю, мнѣ теперь совершенно чужды; скоро, однако, я замечаю, что они чужды мнѣ лишь постольку, поскольку они остаются смутными и неясными. Какъ только усиленіемъ памяти я придаю имъ большую опредѣленность, они тѣмъ самымъ перестаютъ быть только воспоминаніями, и я съ удивленіемъ чувствую, что во мнѣ воскресаютъ движенія юношеской страсти и яростной ревности. Только это возрожденіе чувства и дало бы мнѣ возможность пересмотрѣть стихи, которые когда-то заставило меня написать это ничтожное приключеніе, и приложить опытъ, приобрѣтенный мною съ тѣхъ поръ въ поэзіи, къ выраженію моихъ давнишнихъ, уже исчезнувшихъ чувствъ».

Называя Сюлли-Прюдома лучшимъ изъ поэтовъ-философовъ, вотъ что говоритъ о немъ другой извѣстный французскій философъ и поэтъ М. Гюйо: Сюлли-Прюдомъ — не очарованный лирикъ, пытающійся обнять все внѣшнее своимъ всеобъемлющимъ взглядомъ; это — полузакрытые глаза размышленія о самомъ себѣ, внутреннее видѣніе, расширяющееся мало-по-малу «до звѣздъ»:

Tout m'attire a la fois et d'un attrait pareil:
Le vrai par ses lueurs, l'inconnu par ses voiles;
Un trait d'or frémissant joint mon coeur au soleil
Et de longs fils soyeux l'unissent aux étoiles. *)

*) Переводъ на 10 страницъ.

Какъ все исходящее изъ души, поэзія Сюлли-Прюдома немного печальна, очень мягка, вся изъ оттѣнковъ и подернута дымкой, какъ пейзажъ въ туманные дни: — правда, это — туманъ легкій, всюду проникнутый свѣтомъ великихъ ясныхъ небесъ. Нигдѣ ослѣпляющій лучъ, прямой и жесткій, какъ стрѣла, не разрываетъ этого тумана колеблющейся мысли. Сюлли-Прюдомъ неподражаемъ въ короткихъ, но изящныхъ пьесахъ, гдѣ мысль отличается не меньшей тонкостью, чѣмъ форма, ее вмѣщающая; иногда ея утонченность такова, что ощущается лишь какъ дуновеніе и проявляется только какъ «нѣжная окраска бѣлокрылыхъ бабочекъ», съ которой самъ поэтъ сравниваетъ свои стихи.

П. Петровскій

ИЗЪ КНИГИ
STANCES ET POEMES
(Стансы и поэмы)
(1865)

ЧИТАТЪЛЮ

Когда тебя волнуя я своимъ стихомъ, —
Къ нему я холоденъ остывшею душою:
Мой наилучшій стихъ живетъ во мнѣ самомъ
И никогда прочтенъ не будетъ онъ тобою!

Какъ бабочки, бѣлѣя въ сумракѣ аллей,
Трепещутъ и кружатъ надъ нѣжными цветами,
Такъ пѣсни вокругъ моихъ излюбленныхъ идей
Толпятся и дрожатъ крылатыми стихами;

Но только лишь коснусь я ихъ неосторожно, —
Онѣ умчатся прочь, вспорхнувъ, какъ мотыльки,
И пыльца съ крыльевъ ихъ осыплется тревожно,
Какъ съ вянущихъ цвѣтовъ сухіе лепестки.

Отъ пѣсенъ отдѣлать себя я не умѣю,
Ихъ нѣжной красоты невольно не стеревъ.
И, чтобъ ихъ не убить, я высказать не смѣю
Съ душою слившійся таинственный напѣвъ

Душа моя полна невѣдомыхъ стиховъ,
Исполненныхъ идей, гармоніи и ласки;
Но ты, читатель мой, не видишь мотыльковъ,
А видишь только слѣдъ тончайшей ихъ окраски.

СТАНСЫ

ЖИЗНЬ ДУШИ

ЦЪПИ

Я цѣлый міръ люблю, но тесно въ немъ, какъ въ склепѣ,
И чуткою душой я въ рабствѣ у него:
Мучительныхъ веригъ безчисленныя цѣпи
Въ міръ видимый идутъ изъ сердца моего.

И все меня влечетъ, и всѣмъ я очарованъ:
Сіяніемъ истины и непостижной тьмой;
Я къ солнцу цѣпью золотыхъ лучей прикованъ,
А звезды связаны, какъ нитями, съ душой.

Размѣромъ къ пѣснѣ я прикованъ мелодичной,
А къ розамъ бархатнымъ влечетъ ихъ красота;
Свой взглядъ я приковалъ къ улыбкѣ поэтической,
Изъ поцѣлуя жъ цѣпь сковалъ я на уста.

Вся жизнь моя виситъ на этихъ хрупкихъ звеньяхъ,
И я лишь пленникъ тѣхъ, къ кому стремлюсь, любя,
И подъ вліяніемъ ихъ малѣйшаго волненія
Теряю часть я самого себя.

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Та ваза съ гибнущей вербеной
Задѣта вѣромъ была.
Ударъ безшумный и мгновенный
Чуть тронулъ зеркало стекла.

Но рана, легкая сначала,
Что день, таинственно росла:
Хрусталь точила, разъедала
И мѣрнымъ кругомъ обошла.

Бѣда не во-время открыта:
Цвѣтокъ безмолвно умиралъ,
По каплѣ кровью истекалъ... —
Не тронь ея: она разбита!

Такъ часто милая рука
Намъ сердце любящее ранить, —
И рана тонко-глубока,
И, какъ цвѣтокъ тотъ, сердце вянетъ.

Но долго гибельный огонь
Отъ равнодушныхъ взоровъ прячетъ, —
Болить и тихо-тихо плачетъ...
Оно разбито вѣдь — не тронь!

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Къ той вазѣ, гдѣ вянетъ вербена,
Дотронулся вѣеръ слегка,
Не дрогнули листья цветка
И тихъ былъ ударъ какъ измѣна.
Но трещины тонкой пила,
Упорно хрусталь разъѣдая,
Всю вазу отъ края до края
Безъ шума кругомъ обошла.
Сквозь щель, непримѣтную глазу,
Вода истошилась до дна,
Вербена суха и грустна,
Взгляните на стройную вазу:
Не троньте — разбита она!

Такъ часто рука дорогая
Слегка наше сердце язвить,
Но вянетъ любовь молодая
И язва на сердцѣ горитъ;
Снаружи для всѣхъ невредимо,
Оно сознаетъ въ тишинѣ,
Какъ плачетъ въ его глубинѣ,
Растетъ его рана незримо...
Въ немъ пусто, уныло, темно:
Не троньте — разбито оно!

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Ту вазу, гдѣ цвѣтокъ ты сберегала нѣжный,
Ударомъ вѣра толкнула ты небрежно,
И трещина, едва замѣтная, на ней
Осталась... Но съ тѣхъ поръ прошло немного дней,

Небрежность дѣтская твоя давно забыта.
А вазѣ ужъ грозитъ неожиданная бѣда!
Увяль ея цвѣтокъ, ушла ея вода...
Не тронь ея: она разбита.

Такъ сердца моего коснулась ты рукой,
Рукою нѣжной и любимой,
И съ той поры на немъ, какъ отъ обиды злой,
Остался слѣдъ неизгладимый.

Оно, какъ прежде, бьется и живетъ,
Отъ всѣхъ его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растеть...
Не тронь его — оно разбито.

РОСА

Сижу въ мечтахъ, и вижу, какъ уныло
Блестить роса на зелени луговъ:
Рука холодной ночи положила
Ее на лепестки цвѣтовъ.

Откуда капли свѣлья упали?
Тамъ — безъ дождя свѣршаютъ тучки путь.
Ахъ, прежде чѣмъ на лепесткахъ блеснуть,
Онѣ ужъ въ воздухѣ дрожали!

Откуда слезы на моихъ глазахъ?
На ясномъ небѣ нѣтъ слѣда печали.
Ахъ, прежде чѣмъ заискриться въ очахъ,
Онѣ ужъ въ сердцѣ накопили!

Всегда, въ сердечной притаясь тѣни,
Трепещутъ слезы, дремлютъ, накаплиютъ,
И даже счастья радостные дни
Порой блеснуть ихъ заставляютъ!

КЪ ЛАСТОЧКЪ

Ты, которая къ небу свободно
Направляешь отважный полетъ
И не падаешь въ мукѣ бесплодной
Съ недоступно-суровыхъ высотъ;

Ты, которая жажду изъ тучи
На пути утоляешь порой,
Прносясь черезъ горныя кручи,
Черезъ море и рѣки стрѣлой;

Ты, ненастной порою осенней
Покидавшая насъ для того,
Чтобъ вернуться съ расцвѣтомъ сиреней;
Ты, которой дороже всего

Лишь родное гнѣздо и свобода, —
Какъ съ тобою схожусь я во всемъ!
И во мнѣ пробудила природа
Все, что въ сердцѣ ты носишь своемъ.

Я, какъ ты, поднимаюсь высоко
На крылахъ лучезарныхъ мечты
И стремлюся туда одиноко,
Гдѣ паришь одиноко и ты.

Я ничьей не завидую долѣ,
Разделяя порывы твои,
Я хочу лишь простора и воли,
И любви, безконечной любви!

ЗДѢСЬ НА ЗЕМЛѢ

Здѣсь на землѣ цвѣтокъ лишь мигъ блистаетъ
И пѣнье птицъ такъ умолкаетъ скоро, —
Въ моихъ мечтахъ — весна не отцвѣтаетъ
И вѣчны свѣтлыхъ пѣсенъ хоры.

Здѣсь на землѣ, гдѣ все такъ пусто, тлѣнно,
Проходитъ страсть, сердца на мигъ волнуетъ, —
Въ моихъ мечтахъ — царить любовь безсмѣнно
И звукъ отраднѣйшій поцѣлуя.

Здѣсь на землѣ, въ томительной пустынѣ,
Надъ дружбой, надъ любовью плачутъ страстно, —
Въ моихъ мечтахъ — онѣ, какъ двѣ богини,
Всегда смеются тихо, ясно.

ДВА ГОЛОСА

Два голоса попеременно
Въ душѣ взволнованной встаютъ все вновь и вновь:
Умъ богохульствуетъ надменно,
И Бога проповѣдуетъ любовь.

— У міра нѣтъ отца, нѣтъ вѣчнаго владыки!
Смотри: повсюду зло царить! —
Такъ разумъ сердцу говоритъ.
Оно въ отвѣтъ: «Мы вѣрой лишь велики,

Въ Творцѣ надежду положи,
Люби и вѣрь, — одна дорога!
Безсмертно я, — и осязаю Бога!»
Но разумъ говоритъ спокойно: Докажи.

ОЧИ

Имъ нѣтъ числа — очамъ, что любовались
Въ разсвѣта часъ албующей зарей;
Но спятъ они въ своихъ могилахъ темныхъ,
А солнце все восходитъ надъ землей.

Какъ часто ночь, горѣвшая звездами,
Плѣняла ихъ, торжественна, свѣтла!
Мирьяды звѣздъ надъ міромъ все сіяютъ,
А очи тѣ окутываетъ мгла.

Нѣтъ! Не могли они утратить зора,
И не могло потухнуть пламя въ немъ!
Не вѣрю я, онъ обращенъ куда-то,
Къ тому, что мы невидимымъ зовемъ.

Какъ въ небесахъ свѣтила остаются,
Хоть ихъ порой людской не видитъ взглядъ,
Такъ и они: пусть ихъ взяла могила,
Но то закатъ — не смерть, а лишь закатъ!

Они глядятъ, тѣ очи, что закрыли
Съ рыданьемъ мы дрожащею рукой,
И гдѣ-то тамъ, за гробовымъ предѣломъ,
Теперь разсвѣтъ сіяетъ имъ иной.

*

* *

Какъ много карихъ, голубыхъ,
Любимыхъ глазъ зорю встрѣчало!
Въ могилахъ спятъ они теперь,
А солнце всходитъ, какъ бывало.

Ночь краше дня; какъ много глазъ
Ея плѣнялося красою!
На небѣ звѣзды все горятъ,
А тѣ глаза одѣлись тьмою.

Ужель угасъ ихъ взглядъ? Нѣтъ, нѣтъ,
Не можетъ быть! Они взираютъ

Куда-то вдаль и то, что мы
Зовемъ незримымъ, созерцають.

Светила меркнуть, заходя,
Но все жъ на небѣ остаются:
Такъ и у глазъ есть свой закатъ,
Но смерть не можетъ ихъ коснуться.

Какъ много карихъ, голубыхъ
Закрылось глазъ, любямыхъ нами!
За гробомъ вѣчная заря
Имъ свѣтитъ дивными лучами.

ИДЕАЛЪ

Прозрачна высь. Своимъ доспѣхомъ мѣднымъ
Средь яркихъ звѣздъ и ласковыхъ планетъ
Горитъ луна. А здѣсь, на полѣ блѣдномъ,
Я полонъ грезъ о той, которой нѣтъ.

Я полонъ грезъ о той, чья за туманомъ
Незрима намъ алмазная слеза,
Но чьимъ лучомъ, землѣ обѣтованнымъ,
Иныхъ людей насытятся глаза.

Когда, блѣднѣй и чище звѣздъ ээира,
Она взойдетъ средь чуждыхъ ей свѣтилъ,
Пусть кто-нибудь изъ васъ, послѣднихъ міра,
Разкажетъ ей, что я ее любилъ.

ИДЕАЛЪ

Красою звѣздною сіяють неба своды,
Но лишь къ звѣздѣ одной летитъ моя мечта,
И мнится мнѣ — душа великая природы
Въ дыханьи ночи разлита.

О, дивная звѣзда! Она еще незрима
Для міра, гдѣ царятъ насилъе и вражда,

Но тьма разсѣется: надъ нимъ непобѣдимо
Она взойдетъ въ грядущіе года.

О, братья смертные, и въ этотъ мигъ желанный
Вы всѣ, кому блеснетъ ея отрадный свѣтъ —
Скажите, что ее во мглѣ вѣковъ туманной
Провидѣлъ и любилъ поэтъ!

БОЛЬНАЯ

Средь ночи глубокой осенней,
Дрожа, огонекъ угасаетъ,
И въ комнатѣ розовый отблескъ:
На стѣны и на полъ бросаетъ.

Бѣлѣтъ въ углу занавѣска,
Но странно: не слышно дыханья...
И гаснетъ въ фарфорѣ свѣтильня,
Безшумны огня колыханья.

Никто и не зналъ, что малютка
Неслышно межъ тѣмъ умирала.
Склонясь къ изголовью въ постели,
Усталая мать задремала.

Но крадутся ножки босыя...
Дверь, скрипнувъ слегка, отворилась:
Пришли ее братья провѣдать.
А смерть надъ больной наклонилась.

«Уснула сестрица», — сказали, —
Какія холодныя руки!
Глаза неподвижны; живые
Въ устахъ ея замерли звуки.

«Какъ страшно, какъ пусто въ альковѣ!
Какое молчанье въ кроваткѣ!
Не дрогнетъ на ней одѣяло,
Его не шевелятся складки...

«И мама сидитъ неподвижно;
Уснула — и что теперь будетъ!
Что дѣлать намъ? Лучше оставимъ,
А Боженька самъ ихъ разбудить»...

Въ кровати они возвратились,
Спѣша, оглянуться боялись;
Вдругъ стало имъ скучно, тоскливо,
И въ страхѣ они разрыдались.

ДѢВУШКИ

ГАРЕМЪ

Гаремъ есть у меня, какъ у царя востока:
Въ немъ, для любви, цвѣтутъ красавицы вселенной,
И въ каждую изъ нихъ влюбляюсь я жестоко
И выбираю ихъ себѣ попеременно,
Но лишь послѣднюю люблю я неизмѣнно.

То не лукавыя измѣнницы рабыни,
Которыхъ выхолилъ востокъ безсильно-томный;
То не любовницы — продажныя богини;
Дѣвичій то гаремъ, гдѣ ласки нѣтъ нескромной:
Онъ въ сердцѣ у меня, и въ немъ весь міръ огромный.

Ни пѣсенъ не поютъ въ гаремѣ томъ отъ скуки,
Ни благовоннаго не слышно тамъ куренья, —
Вѣдь ѳиміамъ и пѣсни — только дымъ и звуки, —
Но молодость мою я жгу безъ сожалѣнья
Для васъ, о дѣвушки, въ порывѣ увлеченья!

Тамъ стражи черныя дѣвичье ваше ложе
Не стерегутъ, снѣдаемые подозрѣньемъ;
Но я ревную васъ, и ревность эта строже:
Она въ душѣ, и даже вѣтра дуновенье
Не знаетъ тѣхъ именъ, что я шепчу въ волненьи.

*
* *

Je ne dois plus la voir jamais!

Ужъ съ нею не увижусь больше я!..
Но мать ея я часто навѣщаю;
Болтаю съ ней. Тамъ, гдѣ любилъ — вздыхаю:
Отрада грустная, послѣдняя моя.

Въ той комнатѣ, что безъ нея скучаетъ,
Я чувствую присутствіе ея, —
И бьется сердце бѣдное мое:
Все, все ему о ней напоминаетъ.

Здѣсь раньше я лишь на нее смотрѣлъ,
Теперь кругомъ свой грустный взоръ бросаю, —
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ домъ осиротѣлъ,
Сокровищъ сколько взоромъ я ласкаю:

Картины, книги, столикъ небольшой,
И образокъ, висящій у постели, —
Вся комната полна дыханья той,
Чей смѣхъ и говоръ раньше здѣсь звенѣли!

Порой мнѣ чудится: опять она со мной..
Сидимъ мы здѣсь, полны отрады сладкой..
Такъ мать похожа на нее порой,
Что долженъ слезы я стирать украдкой.

Вы скажете: что жъ, умерла она?
О, нѣтъ! Въ тотъ день, какъ я скорбѣлъ душою,
Она была цвѣтами убрана,
Но гроба не видалъ я предъ собою.

СХОДСТВО

Мой другъ, ты знать хотѣла, почему я
Тебя такъ нѣжно, преданно люблю?
Вотъ почему, мой другъ, тебя люблю я:
Похожа ты на молодость мою.

Въ твой томный взоръ то скорбь, то упованье
Роняють искру свѣтлую свою,
Въ твоей душѣ всегда кипятъ мечтанья, —
Похожа ты на молодость мою.

Твой тонкій профиль — чудный ликъ камен,
Элады лучъ кладеть игру свою
На эту грудь и косъ роскошныхъ змѣи, —
Похожа ты на молодость мою.

Любовью нѣжной, преданной сторая,
Я каждый мигъ твержу тебѣ: «люблю»,
Но ты идешь впередъ не внемля, не взирая, —
Похожа ты на молодость мою.

СХОДСТВО

Вы знать хотите, почему
Вы всѣхъ милѣе, всѣхъ дороже
И ближе сердцу моему? —
На юность вы мою похожи.

У васъ надежда и печаль
Сквозятъ въ глазахъ подъ поволокой,
А грезы васъ уносятъ вдаль...
Вы сходны съ юностью далекой.

Вамъ, съ вашимъ мраморнымъ челомъ,
Въ Эладѣ надо бы родиться,
Гдѣ въ небѣ темно-голубомъ
Блѣютъ мраморныя лица...

Хочу вамъ руку протянуть, —
Хочу любить я васъ... И что же?!.
Вы дальше держите свой путь:
На юность вы мою похожи.

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Сонетъ

Ты руку жала мнѣ, болтали мы съ тобою,
Всей юною душой волнуясь и любя...
Я и теперь все твой, я все люблю тебя,
А ты — стремишься ль ты ко мнѣ своей мечтою?

Увы! не помнимъ мы о легкомъ вѣтеркѣ,
Который подарилъ насъ ласкою случайной;
Не помнимъ мы о блѣдномъ, ласковомъ цвѣткѣ,
Чьи лепестки мы обрываемъ съ думой тайной!

Я въ сердцѣ сохранилъ мнѣ милья черты,
Воспоминанья всѣ въ душѣ моей таятся,
А ты — скажи: зачѣмъ меня забыла ты?

О, Боже, вотъ судьба! Любить тебя, терзаться,
И вдругъ утратить всѣ о счастья мечты,
И больше никогда съ тобою не видаться!

*

* *

Съ подругой блѣдною разлуки
Остановить мы не могли:
Скрестивъ безжизненные руки,
Ее отсюда унесли.

Но мнѣ и мертвая свиданье
Улыбкой жуткою сулить,
И тѣнь ея меня томить
Больше, чѣмъ воспоминанье.

Прощанье ль истомило насъ,
Слова ль разлуки намъ постыли?..
О, отчего вы, люди, глазъ,
Глазъ отчего ей не закрыли?

КТО СКАЖЕТЪ

Кто скажетъ: я забылъ весны очарованье?
Кто скажетъ: первую я позабылъ любовь?
Нѣтъ, даже старики, чья охладѣла кровь,
Не скажутъ этого, увидѣвъ дня сіянье.

Но развѣ не всегда любимыя черты
Мы видимъ предъ собой духовными очами?
И въ сердцѣ у себя мы не хранимъ ли сами
И первый поцѣлуй, и первыя мечты?

Когда сіяніе багряного заката
Угаснетъ, отгорѣвъ, — изъ наступившей тьмы
Проглянетъ звѣздочка, которую когда-то
Съ восторгомъ сладостнымъ привѣтствовали мы.

И я, отъ суеты и шума утомленный,
Оставшись одинъ, припоминаю вновь
Съ волненьемъ радостнымъ и съ грустью умиленной
Неумиравшую въ душѣ моей любовь...

ЖЕНЩИНЫ

КОГДА БЪ Я БОГОМЪ БЫЛЪ

Когда бъ я богомъ сталъ, земля Эдемомъ стала бъ,
И изъ лучистыхъ глазъ, сіяя, какъ кристалъ,
Лишь слезы счастья бѣжали бъ, чужды жалобъ,
Когда-бъ я богомъ сталъ.

Когда бъ я богомъ сталъ, среди душистой роши
Корой бы нѣжный плодъ, созрѣвъ, не заросталъ,
И самый трудъ бы сталъ веселымъ чувствомъ мощи,
Когда бъ я богомъ сталъ.

Когда бъ я богомъ сталъ, вокругъ тебя играя,
Всегда иныхъ небесъ лазурный сонъ виталъ,
Но ты осталась бы все та жъ и въ высяхъ рая,
Когда бъ я богомъ сталъ.

ВОТЬ ОНИ

Я видѣлъ ихъ, но мой печальныйъ взоръ,
Мой тихій вздохъ — ихъ счастья не смутили.
И лишь въ душѣ я прошепталъ укоръ:
 Меня вы, значитъ, не любили?

Кругомъ цвѣла душистая сирень,
И облака среди лазури плыли...
— Забыли вы такой же вешній день?
 Меня вы, значитъ, не любили?

Другой, склонясь, шепталъ ей о любви,
Кругомъ цвѣты благоуханье лили.
— Забыли вы моленія мои?
 Меня вы, значитъ, не любили?

И вдругъ, меня замѣтивъ тамъ, въ тѣни,
Улыбкою меня вы подарили —
Не для того ль, чтобы напомнить дни,
 Когда меня вы не любили?

ОДИНОКІЙ

Счастье идетъ, незамѣтное,
Чуждою міру тропой;
Имя для сердца заветное
Кто огласитъ предъ толпой?

Радость и муки свиданія,
Звуки рѣчей дорогихъ,
Устъ незабвенныхъ лобзанія, —
Пѣснью ли выразить ихъ?

Тайной для всѣхъ сокровенною
Счастье остаться должно;
Лирой владеть вдохновенною
Въ мірѣ тому лишь дано,

Кто, не знававший участія,
Сердца усталаго гнетъ, —
Жажду напрасную счастья
Въ звуки ея перельетъ.

Кто, упоенный отравою
Лести коварной, въ борьбѣ —
Въ вѣчной погонѣ за славою
Ищетъ забвенья себѣ.

ВЕНЕРЫ

Я посѣтилъ пріютъ искусства —
Роскошный Лувръ. Передо мной,
Чаруя взоръ, лаская чувства,
Сіяла гордой наготою
Толпа Венеръ. Едва казался
Дворецъ царей достойнымъ ихъ —
И я красою любовался
Ихъ формъ — холодныхъ и нагихъ.
Я уходилъ. Передо мною
Печальный образъ нищеты
Мелькнулъ съ тревожною мольбою,
Но съ той же властью красоты.
Лохмотья жалкія одежды.
Печать страданья на челѣ.
И взоръ, молящій безъ надежды
О лучшей долѣ на землѣ;
Недавнихъ дней живыя муки,
Блескъ потухающихъ очей,
Иглою исколотыя руки —
Вотъ что я видѣлъ. Прочь скорей,
Дитя несчастья и страданья.
Торгуй на улицахъ собой!
Мы пріютили изваянья,
Но мы не тронемся мольбой.
Для красоты не жаль намъ траты,
Но вотъ суровый нашъ отвѣтъ:
Для женщинъ мраморныхъ палаты,
А для живыхъ — пріюта нѣтъ!

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

СИЛЕНЪ

Пьетъ Силенъ за кубкомъ кубокъ
Славя Вакха торжество.
Нимфы выются вокругъ него
Стаей легкою голубокъ.

Тяготѣющій къ землѣ,
Онъ нуждается въ опорѣ;
Но съ безуміемъ во взоре,
Гордо сидя на ослѣ,

Потѣшается хвастливо
Надъ собравшейся толпой.
И къ нему нетерпѣливо
Всѣ пристали: пѣсню пой.

Дѣти съ криками повисли,
Уцѣпились за него...
«Я спою; но для того,
Чтобъ зерно высокой мысли

Вдохновеньемъ расцвѣло, —
Розы пышными цвѣтами
Съ виноградными листьями
Увѣнчайте мнѣ чело».

Дѣти кинулись въ долину,
Не оставили — цвѣтка!
И, вскарабкавшись на спину,
Увѣнчали старика.

Пой же! — «Прежде пусть Аглая
И Неэра — красота,
Поцѣлуемъ вдохновляя,
Разомкнутъ мои уста».

И прелестныя созданья,
Словно пчель ревнивый рой,
Всѣ спѣшать наперебой
Подарить ему лобзанье.

Начинай же! — «Радъ бы я,
Но осель мой скачетъ шибко».
И обманщика съ улыбкой
Въ тень вѣтвей ведутъ друзья.

Выражая нетерпѣнье,
Всѣ столпились вокругъ него.
Ждутъ. И что жь? Не звуки пѣнья,
Изъ раскрытыхъ устъ его
Льется громкое храпѣнье...

УТЕСЪ

Разъ двое взопли на утесъ вѣковой
И очи закрыли, и слушали море.
— Ко мнѣ звуки рая несутся волной!
— Я слышу стонъ ада, въ немъ вѣчное горе!

И оба очнулись. Предъ ними шумѣлъ
Сѣдой океанъ, и волна говорила,
Но каждому разную песню онъ пѣлъ, —
Ту пѣсню, что жизнь имъ въ сердцахъ ихъ сложила.

СКАЛЫ

Волнами грозными омыты,
Подъ ропоть бурь, во мглѣ тумана,
Земли надежная охрана,
Стоять суровые граниты.

И ропщутъ скалы, гнѣва полны:
«Проходятъ дни, проходятъ годы,
И здѣсь — добыча непогоды —
Мы грудью сдерживаемъ волны.

«Мы, въ нашей моши вѣковѣчной,
Осуждены на разрушенье,
Спасая ихъ отъ истребленья,
Чья жизнь жалка и скоротечна.

«Но дрогнуть смертные въ испугѣ:
Вѣдь море, рано или поздно,
Въ своемъ порывѣ, смоешь грозно
И нашъ гранить и ихъ лачуги!»

ВСКАЧЬ

Мчись, мой конь, вздымая искры огненнымъ дождемъ!
По горамъ и по долинамъ вихремъ промелькнемъ.
Пусть далеко раздается стукъ твоихъ копытъ,
И его собою звонко эхо повторить.

Намъ навстрѣчу свищетъ вѣтеръ и журчатъ струи.
Ты окрасилъ алой пѣной удила свои,
Но впередъ летишь ты смѣло черезъ лѣсъ и долъ,
Какъ въ своемъ полетѣ быстромъ царственный орелъ.

Такъ степей необозримыхъ вольные сыны
Мчатся бѣшено въ набѣги, удалю полны;
И впередъ стремится каждый, мужествомъ объять,
Для себя не признавая никакихъ преградъ.

Уноси меня въ пространство! Жажду грудью всей
Я упиться на свободѣ воздухомъ полей,
И съ какой бы ты ни мчался страшной быстротой,
Я тебя опережаю пылкою мечтой.

Ураганомъ, конь мой вѣрный, бурю лети,
Сокрушая всѣ преграды на своемъ пути!
Улетимъ туда, гдѣ слышенъ крикъ орлиныхъ стай,
Въ неизведанную область, въ незнакомый край!

БЫЛОЕ

Порою въ тишинѣ я говорю былому:
«Напомни мнѣ опять о милой старинѣ».
И тутъ оно, стяхнувъ дремотную истому,
Приподнимается и въ очи смотритъ мнѣ.

Потомъ, облекшись въ весенніе уборы,
Оно ведетъ меня въ волшебные края,
Гдѣ чаровало все и радовало взоры,
Гдѣ прежде я любилъ, и былъ счастливѣй я.

Имъ зажжены огни, горѣвшіе когда-то,
И чаши розами украшены богато;
Но, пристально взгляды въ спокойный ликъ его,

Я убѣждаюся, что пламя прежней страсти
Не воскреситъ его и не имѣетъ власти
Надъ тѣмъ, что навсегда останется мертво.

ТѢНИ

Остановлюсь — лежить. Иду — и тѣнь идетъ,
Такъ странно двигаясь, такъ мягко выступаая.
Глухая, сдушаетъ; глядитъ она, слѣпая;
Поднимешь голову, а тѣнь уже ползетъ.

Но самъ я тоже тѣнь. Я — облака на небѣ,
Тревожный силуэтъ. Скользитъ по формамъ взоръ,
И умъ мой ничего не создалъ до сихъ поръ;
Иду, куда влечетъ меня всевластный жребій.

Я тѣнь отъ ангела, который самъ едва
Одинъ изъ отблесковъ послѣднихъ божества.
Богъ повторенъ во мнѣ, какъ въ деревѣ кумира.

А можетъ быть, теперь, среди иного міра,
Къ жерлу небытія дальнѣйшая ступень,
Отъ этой тѣни тѣнь живетъ, бросая тѣнь...

ПОЭМЫ

БОРЬБА

Когда жь, поэтъ, мечтатель неразумный,
Простишься ты съ мечтой о братствѣ и любви?
Вступая въ бой ожесточенно шумный,
Смешайся же съ толпой благоразумной
И въ трудный часъ на помощь не зови.

Всѣ — за себя, въ житейскомъ бурномъ морѣ.
До гибнущихъ пловцовъ нѣтъ дѣла никому.
Сочувствія ты не увидишь въ горѣ;
Все человѣчество подобно жалкой сворѣ,
Кто побѣдитъ, двойная честь тому!

Но не кляни людское безучастье:
Земля скупа и непосиленъ трудъ.
На свѣтѣ общее — одна мечта о счастьѣ;
Всѣмъ тяжело лишь личное несчастье;
Рви — иль тебя на части разорвуть...

Но ты, вдали отъ говора и гама
Всѣхъ этихъ продавцовъ, спѣшащихъ на базаръ,
Священствуешь среди пустаго храма,
И всѣмъ чужда тобой пережитая драма,
Не нуженъ имъ души священный жаръ.

Опомнись, другъ! Съ другими торгашами
Дѣли ихъ барыши, обманывай, кричи,
Хозяйничай въ опустошенномъ храмѣ,
И, насмѣясь надъ прежними богами,
И честь и стыдъ ногами растопчи.

Но если жизнь не стоитъ тѣхъ усилій, —
Отдайся бурному теченію, поэтъ.
Укрась чело свое вѣнкомъ изъ розъ и лилій,
И волны, изъ страны обмана и насилій,
Умчатъ тебя туда, гдѣ Богъ и смерть и свѣтъ!

СЕБЯ СЧИТАЮ Я ПОЭТОМЪ

Себя считаю я поэтомъ по призванью.
Кто знаетъ, не ошибся ль я?
Я вѣрю въ истину; къ добру и состраданию
Душа отзывчива моя.

Но, можетъ быть, я тайной не владѣю
Одушевлять и волновать сердца,
И въ форму воплотить великую идею
Не въ силахъ до конца.

И все жъ, когда скульпторъ, трудясь надъ изваяньемъ
И тяжестью задачи побѣжденъ,
Не властенъ справиться съ капризнымъ очертаньемъ,
— Ужели оттого онъ меньше вдохновенъ?

Кто пережилъ со мной мечты мои и слезы?
Все люди чувствуютъ равно,
Но въ образы облечь затѣйливыя грезы
Не всякому дано.

Порой для думъ своихъ ищу я тщетно слова,
Порывъ могучъ, но нѣтъ могучихъ силъ.
Подъ тканью рубища простого
Свои дары, увы, я схоронилъ.

Металломъ дорогимъ владѣю я въ избыткѣ,
Который могъ бы дать на славу мнѣ права;
Но золото мое еще покуда въ слиткѣ,
И долженъ я въ чеканъ отдать его сперва.

Достичь безсмертія! Не потонуть въ пучинѣ,
Гдѣ гибнетъ множество невѣдомыхъ именъ,
Жить въ памяти людей отнынѣ
До отдаленнѣйшихъ временъ!

Въ дни юности мечталъ и грезилъ я объ этомъ;
И если самъ я не рожденъ пѣвцомъ,
Я первый преклонюсь предъ истиннымъ поэтомъ,
Моихъ поэмъ невѣдомымъ творцомъ!

ИЗЪ КНИГИ
LES E'PREUVES
(Испытнiя) (1866 г.)

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Я по пути срывалъ цвѣты то тамъ, то тутъ,
Куда меня бросалъ мой прихотливый рокъ:
Я ихъ связалъ теперь въ причудливый вѣнокъ,
Быть можетъ, такъ они сочувствiе найдутъ.

Въ немъ розы свѣжiя и плачутъ, и цвѣтутъ,
И незабудокъ взоръ таинственъ и глубокъ,
И лилiй водяныхъ мечтательный цвѣтокъ...
Всю жизнь мою въ цвѣтахъ читатели прочтутъ.

А также — и свою! Всѣ люди межъ собой
Въ одномъ лишь сходятся различною судьбой:
Что въ скорби и любви, того не замѣчая,

Утратили весну, бесплодно промечтавъ.
И, наконецъ, спѣшать, отъ сна души возставъ,
Посвятъ что-нибудь, изъ жизни исчеза.

ЛЮБОВЬ

ДАНАИДЫ

Не вѣдая покоя, ежечасно
Онѣ бегутъ съ кувшинами толпой
То къ бочке, то къ колодцу, но напрасно —
Имъ не наполнять бочки роковой.

Увы! Дрожать слабѣющiя руки,
И, онѣмѣвъ, не движется плечо...
Пучина страшная! Конецъ ли нашей мукъ?
Неумолимая, чего тебѣ еще?

И падаютъ онѣ, итти уже не въ силахъ.
Но младшая изъ нихъ въ сестеръ своихъ унылыхъ
Умѣетъ песнею увѣренность вдохнуть.

Такъ грезы и мечты блѣднѣютъ, разлетаясь,
А юная надежда, улыбаясь,
«О, сестры, говорить, пойдѣмте снова въ путь».

РАНЫ

Со стономъ падаетъ въ сраженіи солдатъ.
Его возьмутъ, обрызганнаго кровью,
Въ больницу отвезутъ и рану заживятъ.
И въ ясный день поддѣльному здоровью

Онъ веритъ, какъ дитя... Но съ запада сырой
Подуетъ вѣтеръ вдругъ, и въ облакахъ тумана
Потонетъ солнца блескъ, и вновь заныма рана!
И вѣры нѣтъ въ душѣ его больной!

Такъ прихоть времени всеильна; такъ порою,
На мѣстѣ, гдѣ душа поражена судьбою,
Я плачу, воскресивъ забытую печаль.

Слеза, печальный звукъ, одно пустое слово,
Иль тучка въ небесахъ, — какъ лучъ, освѣтятъ снова
Погибшихъ лѣтъ затерянную даль.

СПАСЕНІЕ ВЪ ИСКУССТВѢ

Когда бъ лишь небеса да море голубѣли,
Желтѣла бъ только рожь, и только купы розъ
Бездушной красотой нашъ взоръ ласкать умѣли,
Я знаю, нашъ восторгъ не зналъ бы горькихъ слезъ.

Но есть иная жизнь, есть красота иная:
Улыбка горькая, въ слезахъ поникшій взоръ.
Милѣй, чѣмъ синова морей, небесъ просторъ,
Намъ образъ женщины. Любя и обожая,

Мы обрекаемъ духъ на вѣчныя страданья.
— Но между пѣснями, подъ говоръ струнъ живой,
Любви отвергнутой плѣняютъ насъ рыданья!

Спаси жъ, искусство, насъ, какъ панцырь боевой,
Чтобъ милый образъ мы любили безъ страданья,
Какъ синеву небесъ, цвѣтовъ благоуханье!

СОМНѢНІЕ

МОЛИТВА

Молиться жажду я. Грудь рвется отъ рыданья.
Суровый разумъ мой ихъ сдерживать велить.
Ни матери мольбы и полный скорби видъ,
Ни подвиги святыхъ, ни повѣсть ихъ страданья,

Ни жажда счастья, ни слезы покаянья —
Погибшей вѣры мнѣ ничто не возвратить.
Грѣховнымъ и святымъ сомнѣнемъ духъ горить,
И богъ страстей во мнѣ нашелъ судъ отрицанья.

Молиться я хочу! Я слишкомъ одинокъ!
Колѣна преклонивъ, смиреніемъ глубокомъ,
Зову Тебя, Господь! — Господь, гдѣ, Ты? Приди!

Но тщетно я зову, склоняясь у креста,
Я ужасъ пустоты лишь чувствую въ груди,
И «Вѣрую» твердятъ, — увы! одни уста.

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ КРИКЪ

Игрой мечты ушелъ я въ глубь вѣковъ —
И вижу юношу: болѣзненный, печальный,
Возводитъ онъ съ толпой другихъ рабовъ
Хеопсу мавзоль пирамидальный.

Вотъ онъ несетъ на согнутой спинѣ
Чудовищный гранитъ. Дрожащая походка...
Глаза мядять страдальчески и кротко...
И страшный крикъ раздался въ тишинѣ!

Тотъ крикъ потрясъ весь воздухъ, строй ээира,
Дошелъ до звѣздъ — и тамъ, за гранью міра,
Все вверхъ идетъ въ пространствѣ вѣковомъ.

Онъ ищетъ Божества и правды безконечной...
И цѣлые вѣка гигантъ остроконечный
Надъ деспотомъ стоитъ, въ величїи нѣмомъ!

БОРЬБА

Лишь ночь — и новое томить меня сомнѣнье;
Со сфинксомъ говорю и спорю я съ тоской.
Въ часы бессонницы ужаснѣе видѣнья —
Неведомый гигантъ мой мозгъ тѣснить собой.

Въ безмолвіи глядитъ громадными очами
И въ безконечныя объятія беретъ.
На скорбномъ ложѣ такъ я целыми ночами.
Какъ въ гробѣ недвижимъ, борюся напролетъ.

Порою мать моя придетъ ко мнѣ съ лампадой.
И, весь въ поту, услышу я съ отрадой:
«Страдаешь ты, дитя? сонъ убѣгаетъ прочь?»

Кладу на лобъ одну, на грудь другую руку
И говорю, прочтя ея живую муку:
«Я съ Богомъ, мать моя, боролся въ эту ночь».

СОМНѢНІЕ

Блѣдетъ Истина на черномъ днѣ провала.
Зажмурьтесь, робкіе, а вы, слѣпые, прочь!
Меня безумная любовь околдовала:
Я къ ней хочу, туда, туда, въ нѣмую ночь.

Какъ долго эту цѣпь разматывать паденьемъ...
Вся, наконецъ, и цѣпь... И ничего... круги...
Я руки вытянулъ... Напрасно... Напряженьемъ
Кружимъ мучительно... Ни точки и ни зги...

А Истины межъ тѣмъ я чувствую дыханье:
Вотъ мѣрнымъ сдѣлалось и цѣпи колыханье,
Но только пустоту пронзаетъ мой размахъ...

И цѣпи, знаю я, на пядь не удлиниться, —
Сіянье гдѣ-то тамъ, а здѣсь, вокругъ темница,
Я — только маятникъ, и въ сердцѣ — только страхъ.

ГРЕЗА

HORA PRIMA

Привѣтствовалъ я день еще до пробужденья;
Своимъ лучомъ ужъ вѣкъ моихъ коснулся онъ,
Но я не сознавалъ его прикосновенья,
Когда онъ заглянулъ мнѣ въ душу, сквозь мой сонъ.

Лежалъ недвижно я, какъ мертвый, на постели,
Какъ изваянія на мраморахъ могилъ,
Но мысли свѣтлыя въ мозгу моемъ блестяли,
Не открывая глазъ, я полонъ солнца былъ.

Я смутно чувствовалъ, какъ при лучахъ Авроры
Ей пѣль хвалебный гимнъ крыматый рой пѣвцовъ,
И въ сердцѣ у меня звучали птичекъ хоры,
Въ немъ вѣялъ аромат невидимыхъ цвѣтовъ.

И, внѣ небытія и вмѣстѣ внѣ волненья
Житейской суеты, я ощутилъ вполне
Всю нѣгу сладкую, всю прелесть наслажденья:
Не бодрствуя, не спать, и жить какъ бы во снѣ.

КРЫЛЬЯ

Великій Богъ! Во дни видѣній нѣжныхъ,
Еще дитя — о крыльяхъ я мечталъ,
Твоихъ высотъ лазурныхъ и безбрежныхъ
Я тѣмъ не оскорблялъ.

Я позже умиралъ; мнѣ душно было въ мірѣ,
Живой струи пытался я вдохнуть
Отъ высшихъ сферъ: не птицы ли въ эфирѣ
Мнѣ къ нимъ показывали путь?

Теперь я изнемогъ; очей на небо жадныхъ
Не смѣю устремлять съ отважностью орла,

Но кто же за плечьями взрастил мнѣ два громадныхъ,
Два вѣчно трепетныхъ крыла?..

ДѢЙСТВІЕ

СВИДАНІЕ

На башнѣ въ поздній часъ ученый наблюдалъ,
Какъ звѣздный хоръ торжественно и смѣло
Свой вѣчный путь въ пространство направлялъ.
А утро въ безконечности бѣлѣло.

Онъ вычислялъ... Средь золотыхъ міровъ
Комета встретила внимательному взору,
И грозному онъ молвилъ метеору:
«Ты вновь придешь чрезъ столько-то вѣковъ».

Звѣзда придетъ, велѣнье исполняя,
И обмануть не сможетъ никогда
Науки вѣчной, въ вѣчности блуждая.

Пусть человечество исчезнетъ безъ слѣда:
На башнѣ бодрствовать упорно и тогда
Ты будешь, Истина святая!

изъ книги
LES SOLITUDES
(Уединенія) (1869 г.)

СТАЛАКТИТЫ

Люблю я глубокіе, темные гроты,
Кровавый блескъ факела ночью глухой,
И звонкое эхо средь чуткой дремоты,
Гдѣ въ вопль разрастается шорохъ пустой.

Съ угрюмаго свода вокругъ нависаютъ
Къ землѣ сталактиты холодные тамъ,
И, капля за каплей, съ нихъ слезы стекаютъ,
И падаютъ медленно, гулко, къ ногамъ.

Какъ будто въ потемкахъ печально суровыхъ
Царить затаенный и грустный покой.
Отъ слезъ этихъ звучныхъ, все новыхъ и новыхъ,
Мнѣ вѣсть знакомой и внятной тоской,

И такъ вспоминается сердце всегда мнѣ,
Гдѣ вѣчно таится бывшая любовь,
Гдѣ слезы остыли, сгустились какъ камни,
И кто-то все плачетъ, роняя ихъ вновь...

РАДОСТИ БЕЗЪ ПРИЧИНЪ

Причина горестей для насъ не сокровенна,
Причина радостей намъ часто неясна.
Есть дни, когда душа безъ повода блаженна,
И тайной прелести вселенная полна.

Все сердце радуется, на все съ печать привѣта,
Въ жилищѣ, какъ въ душѣ, отрадно и светло...
Но вдругъ спадаетъ шить волшебнаго запрета,
Къ намъ снова крадутся сомнѣніе и зло.

Откуда жъ тѣ лучи мгновений беззаботныхъ,
Полураскрытые эдема тайники,
Тѣ проблески свѣтилъ, какъ счастье мимолетныхъ,
Насъ вновь кидающихъ въ объятія тоски?

То прежняя ль весна на сердцѣ утомленномъ
Готовится зардѣть подъ вѣяньемъ страстей,
Какъ искра поздняя въ костръ испепеленомъ?
Иль то предчувствіе и жажда лучшихъ дней?

О нѣтъ, зачѣмъ искать въ томъ ласковомъ зефирѣ
Предвѣянья надеждъ, спасенія отъ веригъ?
То счастье чуждое, блуждая въ этомъ мірѣ,
Ошибкой входитъ къ намъ и свѣтитъ намъ на мигъ.

ВАЛЬСЪ

Въ дымкѣ тюля и въ морѣ цвѣтовъ
Эти блѣдныя пары несутся
И въ минутномъ объятии безъ словъ,
Какъ во власти крылатыхъ духовъ,
Отъ забвенья не могутъ очнуться.

Въ звукахъ вальса — волшебная сѣть,
Въ ихъ угарѣ влюбленные таютъ,
И кружатся — завидно глядѣтъ:
Будто вѣчно хотятъ улететь,
Будто вѣчно вернуться желаютъ.

Онъ мечтаетъ: «поймаю ли взглядъ?»
А она: «не его-ль полюблю я?»
И уста ихъ другъ другу сулятъ
Поцѣлуя плѣнительный ядъ,
Не давая при всѣхъ поцѣлуя.

Но стихаетъ вокругъ суета
И смычковъ замираютъ удары,
Плачетъ зеркало... Зала пуста,
Остается одна темнота,
Исчезаютъ воздушныя пары.

РОБОСТЬ

Сказалъ бы ей... но поневолѣ
Мнѣ рѣчь страшна.
Боюсь, что слово скажетъ болѣ,
Чѣмъ шопотъ сна.

Откуда робость? Почему бы
Не быть храбрѣй?
И почему коснѣютъ губы,
Когда я съ ней?

Признанья въ вѣтреные годы
Я дѣлалъ въ мигъ;
Отъ той уверенной свободы
Отсталъ языкъ.

Боюсь, что понялъ я неверно
Порывъ любить,
Боюсь слезою лицемѣрной
Глаза смочить.

Она хоть искренно польется,
Но, можетъ, въ ней
Лишь съ грустью чувство отзовется
Минувшихъ дней...

МОРЕ

Когда съ мольбой и стономъ злобы
Взбиваетъ море пѣну водъ,
Оно какъ будто устааетъ
Изъ нѣдръ беременной утробы
Рожать давно носимый плодъ.

Вспухаетъ тяжкая пучина —
И опускается безъ силъ...
Но вдругъ сменяется картина:
Недвижно море, какъ равнина,
И блещетъ искрами свѣтилъ.

Тогда, стихая на постели,
Оно улыбки шлетъ вѣтрамъ,
Снастямъ — играетъ на свирѣли,
И плюпки, словно колыбели,
Скользятъ безвредно по волнамъ.

И шепчетъ путнику громада:
«Прости, что гибель я даю!
Сама терзаться я не рада,
Чужда мнѣ отдыха отрада —
Я горе вечное таю».

И снова вздувшись и страдая,
Клокочетъ море въ глубинѣ:
Такъ на землѣ, душа иная,
Въ порывахъ бурь изнемогая,
Хоронить скорбь наединѣ.

ВПЕЧАТЛѢНІЕ НОЧИ

Ужъ поздно... Вотъ слуга, дымя свѣчей своею,
Ведеть меня въ пріютъ, избранный мной.
Я прохожу за нимъ неспѣшною стопой
За галлереей галерею.

Ложуся на кровать, и вдругъ со всѣхъ сторонъ
Рѣзные львы въ меня вперили взоры,
И тѣни пестрыя ложатся вокругъ на шторы
Готическихъ оконъ.

Въ дремотномъ забытїи, исполненъ суевѣрїя,
Я жадно пью волшебный даръ луны...
Вдругъ шорохъ... Такъ порой орелъ средь тишины
Теребитъ крѣпкимъ клювомъ перья.

Чу, отдаленный гулъ... Я словно различаю
Удары дружные молотящихъ цѣповъ,
Деревьевъ трескъ и звонъ тяжелыхъ топоровъ...
Забывъ отрадный сонъ, я ухо напрягаю, —

Гулъ ширится, растеть; вотъ съ грохотомъ катится,
Запряжена дракономъ огневымъ,
Передъ окномъ моимъ громада-колесница,
И, тяжело дыша, змѣй изрыгаетъ дымъ.

Промчалась... вотъ скользнулъ пронзительный свистокъ,
Какъ вопль отчаянья средь тишины могильной.
То — поѣздъ пролетѣлъ... и легкій вѣтерокъ
Развѣялъ по лугамъ и стукъ и дымъ обильный.

Въ отвѣтъ на гулъ ночной чуть дребезжитъ окно,
Подъ крышкой пыльною заплѣли клавишины,
Въ портретахъ дрогнуло чуть видно полотно,
И покачнулись картины.

Дрожить безтрепетный охотникъ Актеонъ,
Діана губки поджимаетъ,
Известка сыплется съ карниза и оконъ
И чуть часовъ не разбиваетъ...

И снова тишина... на потолкѣ молчанье
Сложило медленно два трепетныхъ крыла,
И ночь, пославъ отвѣтъ на горькое рыданье,
Закуталась и спать, спокойна и свѣтла...

Но сердце бѣдное не можетъ спать, тоскуя,
Ему мерещится и свистъ и шумный бѣгъ,
Какъ будто передъ нимъ, рыдая и бунтуя,
Проносится еще — безумный вѣкъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ

Когда нашъ братъ иль лучшій другъ
Въ объятыхъ смерти замолкаетъ,
Никто надъ нимъ не зарыдаетъ,
Но грудь оледенить испугъ.

Ничто въ насъ жалобъ не пробудить:
Ни черный крепъ, ни «Страшный судъ»,
Потоки слезъ не побѣгутъ,
И каждый стоны позабудетъ.

Презрѣвъ печаль, столпимся мы
И бросимъ взоръ во мракъ могилы,
Внемя, какъ въ гробъ ударить милый
Комокъ сырой земли средь тьмы.

Когда жъ потомъ окинетъ взоръ
Вокругъ стола семью родную, —
Проснется все, что до сихъ поръ
Въ одну сливалось скорбь нѣмую.

АГОНІЯ

Надъ гаснушимъ въ томительномъ бреду
Не надо словъ, — ихъ гулъ нестроень;
Немного музыки — и тихо я уйду
Туда, гдѣ человекъ спокоень.

Всѣ чары музыки, вся нѣга оттого,
Что цѣпи — для нея лишь нити;
Баюкайте печаль, но ничего
Печали вы не говорите.

Довольно словъ, я имъ усталъ внимать,
Распытывать, ихъ чисты ль цѣли:
Я не хочу того, что надо понимать,
Мнѣ надо, чтобы звуки пѣли...

Мелодіи, чтобъ изъ одной волны
Лились и пѣнились другія...
Чтобъ въ агонію убѣгали сны,
Несла въ могилу агонія.

Надъ гаснувшимъ въ томительномъ плѣну
Не надо словъ, ихъ гулъ нестроень.
Но если я подъ музыку усну,
Я знаю: будетъ сонъ спокоень!

Найдите няню старую мою:
У ней пасти стада еще есть силы;
Вы передайте ей капризъ мой на краю
Моей зіяющей могилы.

Пускай она меня потѣшитъ, спѣвъ
Ту пѣсню, что давно пѣвала,
Мнѣ сердце трогаетъ простой ея напѣвъ,
Хоть тамъ и пѣнья мало.

О, вы ее отыщете, — живучъ
Тотъ родъ людей, что жнетъ и сѣетъ;
А я изъ тѣхъ, кого и солнца лучъ
Ужъ къ сорока годамъ не грѣетъ.

Вы насъ оставите. Былое оживетъ,
Презрѣвъ туманную разлуку;
Дрожащимъ голосомъ она мнѣ запоетъ,
На влажный лобъ положить тихо руку...

Вѣдь, можетъ быть, изъ всѣхъ она одна
Меня действительно любила.
И будетъ вновь душа унесена
Къ брегамъ, что утро золотило.

Чтобъ, какъ лампадѣ сердцу догорѣть,
Иль какъ часамъ остановиться.
Чтобы я могъ такъ просто умереть,
Какъ человѣкъ на свѣтъ родится!

Надъ гаснущимъ въ томительномъ бреду
Не надо словъ, ихъ гулъ нестроень.
Немного музыки — и я уйду
Туда, гдѣ человѣкъ спокоень.

ИЗДАЛЕКА

Едва услышаны горячія желанья,
Одинъ блаженный мигъ — замѣна долгихъ грезъ.
Не знаетъ поцелуй улыбокъ прежнихъ, слезъ,
И сталъ могилою приютъ очарованья...

Обманъ, пустой обманъ — немолчныя признанья.
Что красота очамъ пресыщеннымъ? Хаосъ!
И за весной любви опять сѣдой морозъ
Всѣ лепестки лилей сорветъ безъ состраданья.

Нѣтъ, легче, разлучась съ тобой навѣкъ, сносить
И одиночества и гордости страданье,
И, сохранивъ въ душѣ нѣмое обожанье,

Навѣкъ въ душѣ огонь желаній погасить,
Чтобъ, на красоты свои набросивъ покрывало,
Ты вѣчною звѣздой мнѣ въ небесахъ сіяла.

БѢДНЫЯ ДУШИ

Счастливыя, алыя губы! Какъ сладко
Ихъ слить въ поцѣлуй живомъ!
Прижаться къ груди дорогой — и украдкой
Смешать два дыханья въ одномъ!

Счастлиное сердце, съ горячею кровью!
Какъ внятень твой радостный стукъ!
Какой ненасытною, страстной любовью
Дарятъ насъ объятія рукъ!

У глазъ есть улыбки, у пальцевъ пожатя,
Все тѣлу для счастья дано!
Уснетъ — и покой его приметъ въ объятя,
Умретъ — и исчезнетъ оно.

Но бѣдныя, бѣдныя души людскія:
Ничто не сольетъ ихъ вдвоемъ.
Онѣ — точно въ люстрахъ огни золотые
Подъ тонкимъ, но твердымъ стекломъ.

Тюрьма ихъ прозрачна, имъ видно другъ друга,
Такъ нѣженъ взаимный призывъ...
Но радость предчувствія, трепеть испуга,
Все — ложный, напрасный порывъ!

«Дано имъ безсмертье»... Ахъ! Все ихъ желанье —
Хоть день одинъ жить на землѣ,
Но слиться въ безумный восторгъ обладанья,
Взять все — и погаснуть во мглѣ!

ПОСЛѢДНЕЕ ОДИНОЧЕСТВО

Среди живыхъ людей, гдѣ вѣчный маскарадъ,
Нѣтъ проявленья чувствъ открытаго, прямого;
Не выразить, а скрыть ихъ помогаетъ слово,
И маской служить все: походка, голосъ, взглядъ.

Но наступаетъ часъ, когда неожиданно тѣло,
Отпрянувъ отъ души, летящей въ міръ иной,
Находитъ вдругъ покой, не служитъ ей всецѣло.
И нѣтъ сообщника: свидетель есть нѣмой!

Тогда весь темный рой желаній затаенныхъ,
Что силой воли былъ подавленъ, отгѣсненъ,
Встаетъ, — и на челѣ внезапно проясненъ
Источникъ тайный, смыслъ всѣхъ дѣлъ недовершенныхъ.

Что было на сердцѣ, сквозить въ чертахъ лица.
Теперь движеньемъ губъ не скрыть морщинъ печали!
Не лжетъ и взглядъ очей закрытыхъ мертвеца,
И видно на устахъ, о чемъ они молчали.

Признаній часъ насталъ: ихъ слѣдъ неизгладимъ
На трупѣ стынущемъ, оставленномъ душою.
Невольно ставъ теперь, въ гробу, самимъ собою,
Для близкихъ человѣкъ становится чужимъ:

Въ чертахъ весельчаковъ проступить грусть
Улыбка свѣтится на мнимыхъ гордецахъ...
Внезапно искренни все люди, умирая,
И эта искренность ужасна въ мертвецахъ!

изъ книги
LES VAINES TENDRESSES
(Тщетная нѣжность) (1875 г.)

МОЛЬБА

О, если бъ вамъ была знакома
Боль одиночества, тѣснящая мнѣ грудь,
Вы, можетъ быть, прошли бы мимо дома,
Гдѣ я живу, когда-нибудь.

И если бъ знали вы, какое утѣшенье
Вашъ ясный взоръ приносить мнѣ давно,
Вы, можетъ быть, взглянули бъ на мгновенье
Ко мнѣ въ окно.

Когда бы знали вы, что горе и тревога
При видѣ васъ въ душѣ стихаютъ вдругъ,
Вы сѣли бы у моего порога,
Какъ вѣрный другъ.

О томъ, что я люблю, о томъ, какой любовью
Люблю я васъ, когда бъ вы знать могли,
Вы, можетъ быть, наперекоръ злословью,
Ко мнѣ бъ вошли.

РЕБЯЧЕСТВО

Вы маленькою дѣвочкою были,
Мнѣ жъ минуло двенадцать
Я былъ влюбленъ, но вы — сомнѣнья нѣтъ —
Забыли.

Я въ дѣтскихъ играхъ видѣлъ только васъ,
Вы всѣхъ прекрасней мнѣ казались,
Какъ часто руки невзначай встрѣчались
У насъ!

Какъ мотылекъ не сразу припадаетъ
Къ цвѣточной чашечкѣ крыломъ,
Не смѣя сѣсть, надъ розовымъ кустомъ
Порхаетъ,

На лепестокъ садится съ лепестка,
Все ближе къ чашечкѣ подходитъ
И только въ ней душистый медъ находитъ
Цвѣтка,

Такъ пить не смѣлъ любви я сладкій кубокъ,
Тихонько руки ваши жалъ,
Но поцѣлуй у васъ сорвать желалъ
Я съ губокъ.

То я грустилъ, то радовался вновь,
Порой искалъ уединенья,
Испытывалъ довольство и томленье:
Любовь.

Въ двѣнадцать лѣтъ любви! И вы, быть можетъ,
Не испытали ль той порой
Чего-нибудь, что дѣвушки покой
Тревожить?

Наряды васъ собой влекли одни, —
Вы куклой пышной одѣвались
И съ куклой восковой не разставались
Въ тѣ дни.

Пусть слишком рано я увлекся вами, —
Вы рано расцвели красой
И увлечения моего виной
 Вы сами.

Болтали раз вы вечером со мной,
Мы в свадьбу поиграть рѣшили:
Я мужем былъ, а вы на свадьбѣ были
 Женой.

Вы рѣчь вели мнѣ о кольѣ алмазномъ,
А я о клятвахъ говорилъ, —
Свѣтъ въ направленьи, видно, просвѣтилъ
 Насъ разнымъ.

Былъ пиръ у насъ, я съ вами танцевалъ;
Вы утверждали: всякій знаетъ,
Гдѣ свадьба настоящая бываетъ,
 Тамъ — балъ.

Я прочиталъ въ тотъ вечеръ между строчекъ,
Что быть могу я посмѣлѣй,
И громко звать васъ сталъ среди гостей:
 Дружочекъ.

Меня увлекъ семейный разговоръ,
Коснулся щечки я губами...
Я не шучу подобными вещами
 Съ тѣхъ поръ.

ЧАША

Въ сосудахъ грубаго и крѣпкаго закала
Обильно пѣнится дешевое вино,
Но для изящнаго, граненаго бокала
И грубымъ, и простымъ казалось бы оно.

И чаша съ высоты родного пьедестала
Напитка чистаго напрасно ждетъ давно.
Достойнаго красоты и цѣнности металла, —
Ей одиночество судьбою суждено.

Напитокъ для него найдется тѣмъ скорѣе,
Чѣмъ формою сосудъ и проше, и грубѣе, —
И тщетно ждетъ его лишь кубокъ золотой.

Такъ въ жизни: тѣ сердца бываютъ одиноки,
Чьи помыслы чисты, стремленія высоки, —
Они пренебрегли любовію земной.

ИСКУССТВО и ЛЮБОВЬ

Буйный вѣтеръ степей, къ дальней цѣли стремясь,
Буйный вѣтеръ, могучій и смѣлый,
Встрѣтивъ пышный цвѣтокъ, затоскуетъ, кружась
Надъ высокою лиліей бѣлой.

— О, останься со мной! — тихо шепчетъ она:
Отдохни отъ скитаній со мною.
Я тоскою любви и желанья полна
Подъ холодной моей бѣлизною.

«Я блуждать осужденъ, я мечтою гонимъ,
Видишь тучу вдали грозовую?
Подожди же, пока дуновеньемъ своимъ
Жизнь и свѣтъ въ эту массу вдохну я».

— Возвращайся ко мнѣ, будемъ вѣрить и ждать,
Ты — въ пространствѣ небесномъ витая,
Я — прикована здѣсь; мы сойдемся опять,
Лишь затихнетъ гроза, отлетая.

«Я вернусь», шепчетъ онъ, исчезая во мглѣ,
Ароматомъ любви напоенный.
А она, колыхаясь на тонкомъ стеблѣ,
Головой поникаетъ склоненной.

Свѣтлой грезѣ своей вся она отдалась,
Онъ — борьбы увлеченю на волѣ.
Но когда, затихая, гроза пронеслась
И насталь заповедный свиданія часъ,
Ихъ обоихъ ужъ не было болѣ.

БУДУЩИМЪ ПОЭТАМЪ

Поэты мощные грядущихъ поколѣній.
Вамъ пѣсни лучшія назначены судьбой,
И яркимъ пламенемъ великихъ вдохновеній
Разсѣете вы мракъ надъ міромъ вѣковой.

Тогда уже давно холодною могилой
Мы будемъ взяты всѣ, и пѣсенъ нашихъ звукъ
Замретъ предъ пѣснею, исполненною силой, —
Предъ пѣснею, гдѣ нѣтъ страданія и мукъ.

Но вспомните тогда, что гимны мы слагали
И пѣли о любви, и пѣли о цвѣтахъ
Подъ стукъ оружія, подъ тяжкій стонъ печали,
Чтобъ пробудить любовь въ озлобленныхъ сердцахъ.

И вспомните тогда вы нашихъ пѣснопѣній
Тоской подсказанный, рыданій полный звукъ, —
Поэты мощные грядущихъ поколѣній
И пѣсенъ, сложенныхъ безъ горя и безъ мукъ.

изъ книги
LE PRISME
(Призма) (1886 г.)

*

* *

Какъ солнца лучъ, весь бѣлый и прямой.
Дробясь внезапно въ хрусталъ граненомъ,
За нимъ играетъ радугой цвѣтной
И тѣшитъ взоръ сіяньемъ преломленнымъ,

Такъ, встрѣтясь съ жизнью, юная душа
Всю бѣлизну теряетъ и дробится, —
Но узнаетъ, страданіемъ дыша,
Какъ много въ ней чудесныхъ силъ таится!

И въ этой книгѣ: яркой полосой,
Какъ на экранѣ вспыхнувшія краски,
Все — переливы, жалобы и ласки
Моей души, надломленной судьбой!